

ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС В ПЕКИНЕ

В. Сухомлинова*

В минувшем августе в Пекине прошёл 24-й Всемирный философский конгресс, на котором мне посчастливилось присутствовать в качестве слушателя. Конгресс – событие настолько же масштабное, насколько редкое (проводится раз в пять лет), поэтому выбор города-хозяина – решение знаковое. Можно сказать, что, одобрив заявку Пекина, мировое философское сообщество признало претензии китайской традиции на полноправное участие в выработке основ – не диалога цивилизаций, но, по выражению В. Межуева, цивилизации диалога. И интересно было понаблюдать за тем, как это участие видит сам Китай.

Главная тема 24-го Конгресса – «Учиться быть человеком» («Learning to be human»). Если оценить эту формулировку с точки зрения философии культуры, то «Учиться быть человеком» – значит, что в условиях углубляющейся глобализации и принесённых ею вызовов каждый из нас должен заново открыть в себе человека; что нужно осуществить трехступенчатое, в духе гегелевских триад, восхождение к новому осознанию своей культурной идентичности, пройдя через преодоление как чистого национализма, так и чистого космополитизма, примирив в себе

национальную принадлежность, личную индивидуальность и общечеловеческую универсальность.

Доклады участников конгресса (большинство из которых были китайцами) как раз можно было классифицировать по степени их абстрагирования от тех философских традиций, носителями которых они были и в рамках которых они осуществлял и свои исследования. Ключевым здесь был международный уровень всего мероприятия: он так или иначе принуждал китайских докладчиков формулировать свои идеи, ориентируясь на восприятие иностранных слушателей, выстраивать их согласно законам логики. Тогда как исторически им всегда было привычнее ориентироваться на моментальное интуитивное понимание слушателей, происходящее за счёт обильного снабжения доклада метафорами и образами, рождающими нужные ассоциации и, таким образом, автоматизирующими процесс приобщения к мысли говорящего.

Интересно в связи с этим, что многие секции конгресса, имея одну и ту же тему, например, «Конфуцианская философия», были поделены на те, что проходили с участием иностранных докладчиков и без их участия. По моим личным ощущениям, на первом типе секций китайские выступающие подходили к изложению

* Сухомлинова Виктория Владимировна – аспирант кафедры философии МГИМО МИД России.

своих идей творчески: они не боялись выходить на все более высокие уровни абстракции, формулируя качественно новые идеи или, по крайней мере, делая креативные обобщения. Так, исследователь Сюй Кэцин описывал введённое им понятие чжундаологии (zhongdaology) – конфуцианской космологии, основанной, в отличие от западной, не на противопоставлении антагонизирующих начал, а на приближении их к «золотой середине» (как и переводится «чжундао»), не на эволюционном типе развития, а на циклическом и вневременном, и т.д.

На втором же типе секций господствовала атмосфера, характерная для исключительно китайских по своему составу собраний, когда, на первый взгляд, кажется, что докладчик коснулся всего, не поговорив при этом предметно ни о чем, перечислил по пунктам актуальные проблемы современности, утверждая, что их может решить исследуемая им традиция, но не описал непосредственного пути решения. Подобный подход кажется непривычным для иностранцев, поскольку мы ищем во всем научную новизну. Однако если вспомнить, что в китайской истории не сложилось традиции публично высказывать свои мысли и вести споры об истине, убеждая слушателей в своей правоте (словом, не сложилось риторики). Из их выступлений можно было понять: китайские ораторы не пытались ничего донести, они лишь вновь и вновь артикулировали наиболее базовые, а потому наиболее общие истины, стремясь прочнее укоренить их в картине мира слушающих.

Вобщем и целом, в отношении представителей европейской философской традиции к китайской чувствуется, что констатация ими философско-культурного равноправия Запада и Востока напрямую связана с объективным экономическим и техническим могуществом Китая. Запад отказывается от свойственного его научной мысли европоцентризма и приглашает китайскую традицию совместно участвовать в разработке платформы для диалога ценностей и общей философской теоретизации проблем современных международных отношений. Но лишь потому, что нынешний Китай соответствует европейским же стандартам державы, с позицией которой стоит считаться.

Китайские же учёные мягко настаивают, что искомые общечеловеческие ценности и пути выстраивания диалога были давно известны их мудрецам древности, намекая, что в этом ключе китайская философская традиция так или иначе вбирает в себя западную. Таким образом, китайское научное сообщество отказывается признавать, что «культурно-философская отсталость» Китая когда-либо в принципе существовала, и не связывает её с экономической отсталостью – определённой, опять-таки, исходя из европейской системы координат. Поэтому, при несомненной общей доброжелательности и настроенности на продуктивное общение, констатировать полное и успешное преодоление культурных барьеров, конечно, несколько преждевременно.

*Sukhomlinova B.
Philosophical Congress in Beijing*